

Александр Федоров

Видеоспор:

кино - видео - молодежь

Ростов: Ростов. книж. изд-во, 1990

Федоров А.В. Видеоспор: кино - видео - молодежь.

Ростов: Ростов. книж. изд-во, 1990. 80 с.

Перед началом спора

С фантастической скоростью растет сегодня поток информации. Возвратившись после уроков домой, школьник (а особенно не поддающийся родительскому диктату старшеклассник) стоит перед выбором: улица, телевизор, спорт, дискотека, концерт поп-музыки, кинематограф, книга, театр...

Чему отдать предпочтение?

Что за вопрос – конечно, кино! – уверенно сказал бы я еще лет 15-20 назад. Впрочем, и сейчас наряду с поп-музыкой и спортом кинематограф у молодежи находится на одном из первых мест. Расширяется и сеть каналов, по которым кино приходит к зрителю: видео, спутниковое телевидение, DVD, Интернет... Кино, органично вбирающее в себя черты литературы, театра, музыки и изобразительного искусства, обладает широким спектром воздействия. К примеру, видеоклипы с участием звезд поп-музыки, пожалуй,

кажутся подросткам притягательнее, чем чисто звуковые диски и магнитофонные записи.

Экран и молодежь... Как часто эти три слова произносятся вместе! Как много тут проблем и споров! Что же стоит за скучными цифрами предпочтений аудитории? Какое место экранное зрелище занимает в жизни школьников и студентов? Что их к нему влечет? Почему школьники готовы по пять раз подряд пересматривать (сейчас в основном - по ТВ, видео или на экране компьютерного монитора) ту или иную ленту? Как они оценивают фильмы? Что им нравится, а что нет? Чего они ждут от экрана и почему? И главное – как сделать так, чтобы время общения молодых зрителей с экранными медиа не пропало зря и стало бы не только хорошим

развлечением, но и пищей для ума и души. Об этом мне и хотелось бы поразмышлять.

Для начала – несколько бесхитростных историй.

Семейные киноистории

История первая. Безысходная...

Вера Петровна растила сына одна. Вася был озлобленным и замкнутым парнишкой. В школе учился из рук вон плохо. И не потому, что не хотел:

буйное пьянство давно бросившего семью отца оставило неизгладимый отпечаток в генах...

Вера Петровна по молодости тоже частенько прикладывалась к бутылке, но ради Васеньки нашла в себе силы развестись с мужем и бросить пить. Заочно окончила техникум, работала на текстильной фабрике.

С трудом перебиваясь с двойки на тройку, Вася учился в техническом училище. После занятий приходил домой, часами сидел, уставившись в одну точку. Читать не любил – лет до тринадцати вообще читал по складам...

Иногда они с матерью ходили в кино. Вася готов был смотреть все подряд. Ему очень нравилось, что на экране оживали какие-то не очень понятные истории. Герои куда-то бежали, в кого-то стреляли, о чем-то плакали. Его привлекали яркие краски, красивые лица актеров.

После сеанса Вера Петровна пробовала иногда заговорить с сыном об увиденном, но их беседа всегда выходила весьма односложной.

-Понравилось тебе, Васенька?

-Угу...

-А что понравилось-то?

-Всё...

-Что всё?

-Ну, всё...

-А мне вот, Васенька, понравилось, что Мария не бросила свою подругу в беде, помогла ей вылечиться, ухаживала за ней, как за родной сестрой... А тебе?

-Угу, и мне понравилось...

-Очень добрая эта картина, правда, Васенька?

-Угу...

На следующее утро Вася, напрочь забыв увиденное, мог с неменьшим интересом смотреть то же самое еще раз, как готов был часами слушать одну и ту же песенку на «кассетнике»...

Так тянулись дни, недели, месяцы. И Вася все так же продолжал изредка ходить с матерью в кино. И ему оно нравилось, потому что там постоянно что-то происходило, и никто из появлявшихся на экране людей не требовал от Васи математических уравнений или обработки деталей на станке...

Каждый вечер Вася с Верой Петровной смотрели телевизор. Кроме фильмов, Васе нравились концерты и спортивные передачи, особенно футбол: Вася и сам иногда гонял с ребятами по двору мяч.

Когда стрелки часов приближались к двенадцати, Вера Петровна выключала светящийся кран и отправляла сына спать. Вася угрюмо вставал,

тщательно чистил зубы и через несколько минут засыпал на своем скрипучем старом диване. Ему часто снилась строгая учительница, которая страшно сердилась на Васю, потому что никак не могла взять в толк, почему тот не может доказать теорему Пифагора...

Вере Петровне тоже снились сны. Самый счастливый из них был такой. Она видела себя молодой и красивой рядом со своим супругом Олегом, абсолютно трезвым и почему-то похожим на Алена Делона. Они, взявшись за руки, шли в сверкающий праздничными огнями кинотеатр. Медленно гас свет, и начинался волшебный фильм о любви... А когда они возвращались домой, Вера Петровна с Олегом наклонялись над детской кроваткой и любовались безмятежным сном младенца Васеньки.

История вторая, видеоманитофонная

Все началось с того самого дня, когда Борис Николаевич принес домой коробку с видеоманитофоном. Вечером вся семья собралась в гостиной...

Доходная работа Бориса Николаевича позволяла его жене Елизавете Михайловне быть заботливой домохозяйкой, успевавшей справиться со всеми хозяйственными делами еще до прихода мужа с работы. Их сын, 15-летний Павлик, рос непоседливым ребенком. Все свое свободное время он обычно проводил на улице в веселой ватаге приятелей и одноклассников. В кино он ходил редко, телевизор почти не смотрел...

Но с того рокового дня Павлика словно подменили. Едва справившись с домашними заданиями, он усаживался перед телеэкраном и нажимал кнопку дистанционного пульта. За несколько

месяцев перед ним промелькнул весь «кавалерийский набор» видеоколлекций его знакомых – от фильмов ужасов и триллеров до каратэ и порно. Последнее, само собой, Павлик смотрел тайком, когда отец был на работе, а мать ходила по магазинам...

Надо сказать, что, будучи от природы чрезвычайно стеснительным, Павлик весьма болезненно реагировал на хвастливые рассказы одноклассников об их эротических похождениях. У него самого в этом смысле ситуация была нулевая. Потому запретный плод был для него особенно сладок. В считанные дни Павлик почерпнул с экрана столько полезных сведений о сексуальном мире взрослых, сколько без видео ему, наверное, не пришлось бы узнать и за целую жизнь. Увы, все эти эротические соблазны ничуть не увеличили его шансов среди симпатичных сверстниц, из-за чего

стремление Павлика к «горячим» кассетам стало приобретать, как принято говорить в подобных случаях, не совсем здоровый характер...

Мало-помалу Павлик стал завзятым видеоманом. На улицу он теперь почти не выходил, чем, кстати, поначалу очень радовал мать, боявшуюся дурных уличных влияний.

Отец приходил с работы поздно. И, когда они вместе смотрели очередной видеобоевик, обычно шел обмен лаконичными репликами.

-Гляди, во дает!

-Спокойно, папа, тот ему еще покажет!

-Нет, ты только глянь! Ишь, чего, черти, понапридумывали!

-А, по-моему, вчера фильмец получше был.

Помнишь, как там этот роботу ка-а-ак вмазал!

-Ничего завтра я принесу с работы боевик покруче.

Сан-Саныч сказал – стоящая вещь, не хуже той, что неделю назад была. Помнишь?

-Эта та, где тот его из огнемета скосил, что ли?

-Она самая. Ну, ладно, давай смотреть. А этот момент обратно прокрутим, а то я не врубился, как он его замочил...

Елизавета Михайловна в мужские разговоры обычно не вмешивалась. По сравнению с супругом, окончившим механический техникум, она считала себя малообразованной и предпочитала, уютно устроившись в мягком кресле, вязать какую-нибудь шерстяную кофточку. Однако через несколько месяцев Елизавета Михайловна стала замечать, что у Павлика испортился сон. По ночам он беспокойно ворочался, иногда вскрикивал и стонал. Характер сына день ото дня становился всё хуже. По-прежнему,

главным делом его жизни были бесконечные просмотры видеокассет. Классная руководительница Павлика жаловалась Елизавете Михайловне, что Павлик значительно снизил успеваемость по всем предметам...

Встревоженная Елизавета Михайловна попросила мужа временно не приносить домой новых кассет. Но Павлик и тут нашел выход – стал брать в прокате и у одноклассников.

В конце концов, не выдержал и сам Борис Николаевич – отвез «видик» на дачу, объявив сыну, что доставит его обратно только на летних каникулах. Павлик угрюмо промолчал и вскоре стал надолго исчезать из дома. Ходил смотреть видео к друзьям.

Не на шутку испугавшись, что сын отобьется от рук, Елизавета Михайловна упросила мужа вернуть аппаратуру назад. Семейное спокойствие

момента́льно было восстановлено. Павлик снова целые дни стал проводить у телеэкрана, в который уж раз с наслаждением наблюдая, как крутой киногерой наносит своему коварному противнику коронный удар в челюсть. Елизавета Михайловна умиротворенно вязала. Борис Николаевич, плотно поужинав, время от времени восклицал: «Нет, ты видел, как он ему врезал? Во дает, паразит!».

И так проходил каждый вечер...

История третья, криминальная

Алексей Павлович домой возвращался поздно. Впрочем, хотя ему недавно стукнуло сорок, для всех соседей и сослуживцев из магазина, где Алексей Павлович работал грузчиком, он был просто Леха. «А Леха опять хо-о-о-роший пришел!», - часто неслоь ему вслед, когда он нетвердыми шагами подымался к себе на пятый этаж.

Кое-как раздевшись, Леха обычно заваливался в кресло перед телевизором и сразу начинал храпеть... Жена его, Валерия Семеновна, давно уже привыкла к его «физиологическому состоянию» и зря не тревожила.

В редкие трезвые дни Леха вспоминал о сыне и о своей обязанности его воспитывать. И тогда на Леху накатывала волна культурного просветительства. Он хватал 15-летнего Колю за руку и вел в ближайший кинотеатр на первый попавшийся фильм. В кинозале Леха обычно дремал и содержание картины узнавал от сына по дороге домой. Дома, исполненный чувства выполненного отцовского долга, Леха, наскоро поужинав, принимал свои законные 200 грамм и заваливался спать.

Если фильм оказывался для Коли интересным, он шел на кухню к матери и с воодушевлением

пересказывал его сюжет. Уставшая от домашних забот, Валерия Семеновна ласково улыбалась сыну, но поддержать беседу не могла, так как уже не помнила, когда последний раз была в кино, а телевизор опять-таки из-за бесчисленных дел смотрела крайне редко.

По мере возраставшей длительности запойных периодов совместные с сыном Лехины культпоходы практически прекратились. И Коля стал ходить к приятелю видео смотреть. Домой после просмотров возвращаться не хотелось. А энергии было хоть отбавляй. Сначала, дурачились, отрабатывая увиденные на экране удары друг на друге. Потом захотелось попытать счастья по-настоящему. Шумной ватагой остановили в парке пожилого мужчину, сбили с ног, вывернули карманы. На найденные там деньги купили выпивку...

После просмотра очередной видеоленты о похождениях сексуального маньяка и садиста Коля сказал друзьям: «А что, если и нам так?». Сказано – сделано. Узнав, что их одноклассница осталась на воскресенье в квартире одна, «приняли для храбрости», курнули травки, зашли к ней «на огонек»...

На следующий день родители нашли дочь мертвой. Она была изнасилована, а затем зверски убита столовым ножом.

И хотя, используя уроки видеофильма, Коля и его «пацаны» попытались скрыть свои следы, угрозыск на сей раз сработал четко: вся компания оказалась на скамье подсудимых...

На суде Колины родители плакали. Коля тоже пустил слезу... Он еще раз подтвердил свои

предварительные показания: убийство совершено под впечатлением видео...

Сейчас Коля сидит в колонии строгого режима. Не знаю, смотрит ли он там фильмы и хочется ли ему вообще их смотреть. Вот такое кино...

***

В этой главе я хотел было избежать каких-либо комментариев, но тут, пожалуй, удержаться трудно.

«Это и есть корень зла – кино и видео», – слышится мне голос иного читателя. Ох, если бы все было так просто! А ведь и до эпохи видео молодежная преступность была довольно высока. И лет сто с лишним назад, когда о кино никто слыхом не слыхивал, тюрьмы тоже вроде бы не пустовали...

Так, может, финал Колиной криминальной киноистории был predetermined совсем иными причинами?

В связи с этим вспоминается случай из времен моего детства. Как раз тогда на экраны страны вышел пародийно-фантастический боевик «Фантомас». Фильм стал сенсацией сезона. Переполненные кинозалы, километровые очереди за билетами... На переменах мои одноклассники только о нем и говорили. Вскоре кто-то додумался густо рисовать на ладони мелом латинскую букву F и смачно припечатывать ее на спинах (или чуть ниже) своих приятелей. А через месяц-другой после премьеры «Фантомаса» в городе, где я тогда жил, в ларьках, обчищенных ночью юными хулиганами, стали находить записки с одной и той же незамысловатой фразой: «Это сделал Фантомас»... Реакция властей была вполне оперативной: пресловутый «Фантомас» был повсеместно снят с городских экранов.

Увы, ларьки грабили задолго до выхода «Фантомаса». Правда, записок не оставляли. Не уменьшилось число краж и после «кинорепрессивных мер». И отсутствие на месте преступления злополучной записки нисколько не облегчило работу следствия.

Преступления во всем мире совершались на протяжении многих столетий без всякого кино. И я не верю, что паренек, выросший в нормальной семье, с добрыми человеческими отношениями друг к другу и окружающим, посмотрев лихой боевик, полезет грабить чью-то квартиру. Если же идти по репрессивному пути, можно, в конце концов, дойти и до запрета романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание». Ведь кто знает, быть может, иной 16-летний читатель, углядев в романе руководство к

действию, хватит топором по голове соседскую старушку...

Немыслимо представить себе настоящее искусство, ориентированное на нравственно и эстетически неразвитых людей, изначально предполагающее извращенную трактовку ими тех или иных фактов или событий. Одна газета как-то рассказала страшную, но, к сожалению, реальную историю. «Изучив» роман «Молодая гвардия», 17-летние парни и девчонки стали разыгрывать кровавые спектакли: «гестаповцы» садистски пытали «подпольщиков». Так что же теперь, изымать роман из библиотек?

Вопрос, разумеется, риторический, хотя о художественных достоинствах этого романа можно, конечно, спорить...

А пока прессы почти ежедневно сообщает о новых криминальных киноисториях. Очередной Коля дает показания: насмотрелся, мол, «видюшника», и решил попробовать сам...

История четвертая, печальная

Анна Алексеевна считала себя женщиной интеллигентной. Худо-бедно, а окончила институт культуры, могла даже в случае нужды прочесть наизусть пару стихотворений Пушкина или Некрасова. Что же касается кино, то тут ее вкусы окончательно сформировались в пору ее послевоенного детства. Она из года в год (слава российскому ТВ!) пересматривала «Весну» с «Кубанскими казаками» и всякий раз умиленно замирала от счастья нахлынувших воспоминаний...

Ее супруг, Иван Васильевич, прошедший суровую жизненную школу человек, как и подобает мужчине,

был более сдержан, но с удовольствием смотрел те же фильмы, что и Анна Алексеевна. Правда, не так часто – очень был занят на ответственной работе в стройтресте.

Стоит ли удивляться, что их единственный сын Костя по малолетству тоже души не чаял в оптимистических комедиях Александрова и Пырьева?

И как знать, сколь долго продолжалась бы эта семейная идиллия, как бы Костя с возрастом не пристрастился читать газеты и журналы, где время от времени ему попадались заметки о кино. Из них он узнал, что существуют и другие фильмы, тоже как будто неплохие...

Ради интереса, Костя решил проверить полученные сведения и (благо, что жил в Москве) пошел в Музей кино на просмотр фильма из рубрики «Классика мирового киноискусства». Это был фильм

Андрея Тарковского «Солярис». Кончились утомительные минуты ожидания, медленно погасли в зале огни – начался ФИЛЬМ...

Когда Костя вышел из кинотеатра, уже стемнело. Он был один. Ему нравилось ощущать свою самостоятельность. Лил не сильный, но уверенно монотонный дождь. Костя добежал домой изрядно промокшим. У дверей встретила мать: «Где пропадаешь?». Буркнув что-то невнятное в ответ, он отправился в свою комнату и сделал вид примерного ученика, занятого уроками. Косой дождь тихо постукивал по стеклу, смывая расплывающимися каплями рельефы уличных фонарей. Костя все еще был наедине с ФИЛЬМОМ...

Многого в «Солярисе» Костя, честно сказать, не понял, но фильм ему понравился атмосферой загадочной недосказанности. Ему понравились и

актеры, которых он не видел прежде ни в одной ленте. Раньше все его кинопечатления ограничивались пересказом сюжета: кто кого ударил или убил... А тут вдруг нахлынули мысли о смысле жизни, о совести, о любви...

Словом, на следующий день Костя по наивности стал нахваливать увиденную картину родителям. Анна Алексеевна из педагогических соображений в ближайший выходной прихватила супруга и не поленилась сходить на фильм (благо через неделю его повторяли еще раз), так понравившийся сыну.

Анна Алексеевна и Иван Васильевич досидели до конца сеанса с величайшим трудом. Иван Васильевич время от времени приговаривал, что всегда был категорически против всяческой фантастики. Анна Алексеевна никак не могла понять, почему этот скучный и нудный «Солярис» мог так заинтересовать

Костю. Ведь герои почти все время говорили друг с другом о каких-то заумных вещах.

Вечером Анна Алексеевна завела с сыном серьезный киноразговор.

-Костенька, - сказала она ласково. – Убей Бог, не пойму, что ты нашел в этой картине? Это же про каких-то далеких от нас людей. И страна у них какая-то непонятная. А национальность?

-Верно мать говорит, - подключился к беседе отец. – Чего только в кино не увидишь! То голую задницу на весь экран залепят, то всякую заумь и чушь всю дорогу несут. Как в присказке, без бутылки не разберешься...

-При чем тут бутылка, Ваня, - чуть укоризненно оборвала его Анна Алексеевна. – Я убеждена, что искусство должно нести людям добро и радость.

Показывать положительные примеры для

подражания. Разве у нас мало в жизни хорошего? А в этом фильме герой вместо того, чтобы четко выполнить задание, все время мучается, переживает чего-то...

-Мама, ну как ты не понимаешь, - не выдержал Костя. – Сейчас время совсем другое. Нельзя же все время смотреть твоих «Кубанских казаков»! Я хочу, чтобы на экране люди были не глупее, а умнее меня!

-Больно умный выискался, - недовольно отреагировал Иван Васильевич. - А вокруг, значит, все дураки, дебилы от рождения?

Костя обиженно замолчал. И с этих пор о кино с родителями не заговаривал. Старался больше читать. Записался в киноклуб, стал довольно часто посещать Музей кино... Через некоторое время он посмотрел еще несколько фильмов Тарковского. Стал искать картины других талантливых мастеров экрана.

А когда родители с восторгом смотрели по телевизору «Свадьбу в Малиновке», Костя закрывался в своей комнате, надевал наушники и слушал музыку...

Иногда после какого-нибудь хорошего фильма у Кости внезапно возникало желание поделиться своей радостью с матерью. Но, вспомнив разговор о «Солярисе», он предпочитал промолчать. Так и смотрели они каждый свое, всё больше и больше отдаляясь друг от друга...

История пятая, элитарная

Если вам не наскучило знакомиться с семейными киноисториями, то вот еще одна.

Юрий Георгиевич в тридцать три года защитил докторскую. В 35 стал профессором. Через год – ректором крупного технического вуза. Его жена – Евгения Леопольдовна – в том же институте

заведовала кафедрой иностранных языков. Супруги часто бывали за границей, помимо прочего привозили оттуда французские и американские видеодиски. По выходным они забирали из специнтерната для особо одаренных детей своего 13-летнего сына Аркадия, выезжали на своем «Мерседесе» на природу. А вечером смотрели фильмы. Разумеется, без перевода.

Аркаша, правда, время от времени спрашивал значение кое-каких непонятных ему слов. Но мама, безукоризненно артикулируя, тотчас же восполняла лингвистические пробелы сына. Кино в этой семье редко становилось поводом для бесед эстетического плана. Родители активно готовили Аркадия к поступлению в элитный вуз международных отношений. Они как бы заранее хотели ввести его в тот мир, где ему в будущем предстояло жить и работать...

Аркадий с детства хорошо усвоил основные правила этих интеллектуальных контактов. Родителей своих он хотя и уважал, но относился к ним довольно холодно. Вся его жизнь была подчинена четко поставленной цели. Кинематографу было отведено там достаточно скромное место где-то между партией в теннис и вечерней прогулкой...

Аркадий всегда смотрел на героев фильмов как бы со стороны, даже свысока. Он верил в собственное высокое предназначение и давно уже утратил детскую непосредственность киновосприятия. Отечественные фильмы он глубоко презирал и не смотрел вовсе. А зарубежные фильмы давно уже стали для него лишь языковым тренингом. И тут надо отдать Аркадию должное – его английский к окончанию специнтерната был почти безукоризненным, да и французский тоже весьма неплох.

Иногда, чтобы блеснуть своими познаниями, Аркадий приглашал к себе домой соседских девчонок и, словно нехотя, переводил им видеофильмы...

Но самым счастливым днем его жизни стало зачисление в МГИМО. Причем председатель приемной комиссии не без удовольствия отметил, что Аркадий оказался единственным абитуриентом, отважившимся заявить, что готов сдавать все вступительные экзамены на английском.... И ей-богу, сдал бы, если бы разрешалось по инструкции.

Словом, через пять лет Аркадий, бесспорно, волеется в сплоченные ряды российского дипломатического корпуса, доставив тем самым немалое моральное удовлетворение не только себе, но и Юрию Георгиевичу с Евгенией Леопольдовной...

История шестая, странная

В самом деле, странная эта история. Странная и очень короткая. И вот почему.

У инженера-технолога Олега Валентиновича и его супруги, медицинской сестры Ирины Леонидовны, было двое сыновей – Славик и Егор. Оба хорошо учились в школе, в пределах программы были в меру начитаны.

Олег Валентинович после работы до позднего вечера пропадал на садовом участке. Ирина Леонидовна хлопотала по дому. Дети им помогали. Кроме того, они всерьез увлекались спортом, почти ежедневно ходили в плавательный бассейн.

В кино Олегу Валентиновичу и Ирине Леонидовне ходить было некогда. Телевизор они смотрели только по большим праздникам и к этим же «спартанским» привычкам приучили Егора со Славиком.

К 16-ти годам Славик и Егор побывали в кинотеатре всего несколько раз. И то за счет культпоходов в школе. Просмотренные фильмы ничуть их не заинтересовали. А когда они слышали восторги своих одноклассников по поводу очередного боевика, то относились к этому вполне равнодушно. Их значительно больше интересовало время, за которое они проплывали стометровку, и в связи с этим их шансы попасть на ответственные соревнования.

А когда в выходные дни вся их дружная семья собиралась на даче, они могли говорить о чем угодно, только не о кинематографе...

Вот такая, совсем некинематографическая история про Славика и Егора и их родителей... Как она сюда затесалась?

Можно было бы, наверное, спросить у Олега Валентиновича, да он опять на дачу уехал. Да и Ирине

Леонидовне недосуг на такие пустяковые вопросы отвечать...

История седьмая, счастливая

Маше повезло. Ее родители очень любили друг друга. И это еще не все. Они обожали путешествовать и ходить в кино. А что еще нужно ребенку!

Машин папа, Николай Владимирович, работал в газете и часто писал статьи о фильмах. Он готов был часами спорить с Машинной мамой, Людмилой Павловной, по поводу фильмов Сокурова и Германа, Феллини и Копполы. Машина мама, правда, работала в конструкторском бюро и заметок про кино не писала, но в спорах с Николаем Владимировичем ничуть не тушевалась. Напротив, нередко оказывалась победительницей.

Машин папа любил рассказывать, как в детстве неделя без кино была для него сущей пыткой. Он был

завзятым киноманом. Впрочем, это слово казалось ему тогда обидным, и он тщательно скрывал свою столь «порочную» склонность. В классе и во дворе старался говорить о кино как можно меньше. Но все равно не получалось. Если при Машином папе кто-нибудь заводил разговор, хоть в какой-то мере затрагивающий кино, его так и тянуло влезть туда со своими соображениями на этот счет.

Он был в восторге от «Человека-амфибии», насвистывал песенки из этой картины и даже разрабатывал (разумеется, чисто теоретически) наиболее эффективные способы борьбы с акулами...

Конечно, тогдашним приятелям Машиного папы тоже нравилось смотреть ленты о мушкетерах, индейцах и фантомасах. Но все это было в границах обычного. Он же временами покидал их, полностью погружаясь в таинственный и волнующий мир кино.

Правда, в казаков-разбойников и в футбол он играл с неменьшим азартом, чем другие мальчишки...

В разговорах с дочкой Николай Владимирович частенько жаловался, что с возрастом радостное чувство единства с фильмом приходит всё реже. И лишь иногда, как вспышка далекого детского воспоминания, возникают в памяти кадры давно уже не смотренных фильмов, поразивших когда-то воображение...

Маша с интересом слушала разговоры взрослых. И к 17-ти годам довольно неплохо разбиралась в киноискусстве, умела обосновать свою точку зрения в беседах не только с одноклассниками, но и с родителями.

Прослышав, что в Москве есть институт кинематографии, и там готовят киноведа, которые с

утра до вечера смотрят фильмы, Маша послала туда на творческий конкурс свои работы.

Увы, через некоторое время она получила отказ. Но не отчаялась – поступила в университет, стала вести молодежный киноклуб...

И теперь, когда вся семья собирается за вечерней чашкой чая, Маша с удовольствием присоединяется к бесконечным родительским спорам по поводу нынешнего положения в российском кинематографе, высказывая порой весьма оригинальное мнение. Скажу больше, Маша сумела обратить в свою киноверу и симпатичного паренька, который уже получил у Машиных родителей старомодное прозвище жениха. Вместе с этим самым пареньком Маша часто отправляется на каникулах в турпоездки. Быть может, и сейчас они где-то в пути. А в самолетах ведь тоже иногда фильмы показывают!

История восьмая, коммерческая

Кому как, а Павлу Ильичу на новые времена обижаться не приходилось. Как только стало можно заниматься частной коммерцией, он организовал семейный подряд – приобщил к видеопрокатному делу жену и двух сыновей-подростков. Поначалу, пока не было конкурентов, дела у Павла Ильича шли прекрасно: публика шла, как рыба на нерест, косяком. Только успевай подсчитывать барыши...

Подкопив денег, Павел Ильич вскоре открыл свой видеомагазин. Вся семья крутилась так, что поговорить друг с дружкой уже не оставалось времени. Один – кассеты продает, другой – на прокат выдает...

Сказать по правде, раньше ни Павел Ильич, ни супруга его кино особенно не увлекались. Павел Ильич работал в конторе звукозаписи, а по

праздникам подрабатывал фотографированием утренников в детсадах. А теперь вся семья иные фильмы, хоть и вполглаза, мельком, но смотрела. Потому что надо знать конъюнктуру рынка – что народ будет брать, а что – ни за какие коврижки...

Но время шло. Вслед за Павлом Ильичем многие самостоятельные и деловые люди смекнули, что такое видеобизнес. В городе стали открываться новые прокатные пункты и магазины. Наплыв публики заметно поубавился. Но нет худа без добра – у семейства Павла Ильича появилось больше времени для общения...

История последняя, киносъёмочная

С отцом и матерью Володя виделся довольно редко – они жили в другом городе, в нескольких часах лета. Володю воспитала тетка. Хотя, сказать откровенно, всё её воспитание сводилось к

бесконечным «ценным указаниям». И как знать, быть может, именно поэтому Володя с раннего детства увлекся кино. Еще в младших классах занимался в городском кинокружке. Затем учился на филологическом факультете педагогического института, служил в погранвойсках на Дальнем Востоке, работал в сельской школе. И всё это время упорно занимался фотографией и киносъемкой, приходил на обсуждения фильмов в городской киноклуб, не раз пытался поступить на операторский факультет ВГИКа. Через несколько лет Владимир стал руководить городским кружком кинолюбителей, в котором когда-то учился сам...

Прошло не так уж много времени, и ребята-кружковцы, которые до прихода туда никогда не держали в руках кинокамеры, сняли первый киносюжет, научились проявлять пленку, овладели

профессией киномеханика, стали грамотно судить о просмотренных картинах, отстаивать свою точку зрения.

Игровые фильмы у любителей – редкость. Видовые, документальные картины снимать и быстрее, и менее хлопотно. Потому и на фестивалях любительских фильмов подавляющее большинство картин подобного плана. Что ж, для взрослых любителей это логично. Но дети – совсем другое дело. Какой интерес в том, что пока один школьник накручивает на пленку пейзаж парка, остальные – четырнадцать – пассивные созерцатели! Ребята хотят «делать кино»! А где взять для каждого кинокамеру?

Владимир нашел оптимальный вариант. В съемках участвовали одновременно все ребята, занимавшиеся в группе, потому что снимались

игровые ленты, и каждому доставалась своя, пусть даже небольшая роль.

Много выдумки и фантазии вкладывали кружковцы в каждую свою работу. Играли главные и эпизодические роли, придумывали трюки, дорабатывали сценарий и т.д. И все ради того счастливого мига, когда в зале погаснет свет, и начнет светиться экран...

«Внимание! Мотор! Дубль № 3». Нет, ребята отлично понимали, что это не «Мосфильм». Но старались на совесть. Некоторые их ленты получали призы на фестивалях любительских фильмов...

Чтобы руководить детской киностудией, мало хорошо знать техническую сторону дела и иметь педагогическое призвание. Нужно прежде всего очень любить кино...

Прошло еще несколько лет, и Владимир заочно окончил ВГИК, не раз выступал в прессе со статьями о кино... Сегодня он уже не ведет кинокружок, но по-прежнему практически всё свое время отдает десятой музе, более скромно именуемой кинематографом...

Если зрителю шестнадцать...

- Послушайте, вам что, не нравятся фильмы про любовь? Вы хоть когда-нибудь интересовались, что нормальные люди говорят о своих любимых лентах?

Мою собеседницу зовут Татьяна. Ей 16 лет, образование незаконченное среднее. Говорит она с вызовом, с жаром защищая очередную латиноамериканскую «мыльную оперу».

- Что вы, я вовсе не против любви, - пытаюсь я оправдаться. – И хорошие мелодрамы мне нравятся. А здесь – тривиальный сюжет, слабая, хотя и эмоциональная актерская игра, яркие краски и пейзажи, немного приятной музыки и...

-...люди получают огромное удовольствие, - продолжает фразу Татьяна. – Думаете, я не понимаю,

что это сказка? Но мне, как и многим вокруг, хочется попереживать за судьбу симпатичных героев, посмотреть красиво снятые виды и обстановку. Где еще, если не в кино или по телевизору, увидишь такое? А ведь там и идея – добрая и благородная!

- По поводу добрых авторских намерений я не спорю. Но меня волнует другое: чтобы такой простенький сериал не стал для иных ваших сверстников некой кинематографической вершиной, шедевром...

- А если мне от ваших взрослых шедевров скучно? Что тогда? А за просмотром сериалов классно расслабляешься. Я понимаю, что можно иногда посмотреть и сложную картину, но ведь не каждый же день! Забот у нас всех, как известно, хоть отбавляй... Отдыха после всего этого хочется! Веселья! И не только мне! Вы, наверное, и комедии не любите?

- Ничего подобного. Если комедия поставлена талантливо, я смеюсь вместе со всеми. Но, говоря вашими же словами, не каждый же день смотреть одни развлечения. Хочется ведь и подумать. Разве нет?

- Ну и думайте себе на здоровье... А я хочу отдохнуть. Мне этих раздумий о жизни и без кино хватает...

В это время автобус подъехал к конечной остановке, и наш разговор с Татьяной остался незаконченным. Но я все-таки попытаюсь его продолжить, зная, что Татьяна отнюдь не одинока в своих кинопристрастиях, чувствах и оценках.

Бесспорно, нет ничего сверхъестественного в том, что молодые зрители предпочитают смотреть боевики и иные развлекательные хиты. Напротив, увлечение зрелищем, как правило, в определенном возрасте

проходит каждый из нас. К примеру, в книге «Поговорим о кино» известный критик Виктор Демин вспоминал свои школьные годы, послевоенное время, когда в кинотеатрах шли боевики о Тарзане и мюзиклы с Диной Дурбин, душещипательные мелодрамы и развеселые комедии, а он со своими одноклассниками старался не пропустить ни одной ленты. Вместе со своими вихрастыми приятелями он штурмовал кассы кинотеатров и упрямо лез через заборы летних кинозалов, чтобы насладиться стихией приключений. Ведь так приятно хоть на пару часов вообразить себя ковбоем или сыщиком, чемпионом или мушкетером.

Я тоже часто вспоминаю старинное здание своей школы, мимо которой по булыжной мостовой весело позвякивали стеклами уютные деревянные трамвайчики. От школы было рукой подать до

кинотеатра. Вспоминаю своих кинокумиров – «Графа Монте-Кристо» и «Человека-амфибию». А потом - первые статьи и книги о кино, прочитанные в старших классах. Многие из них стали для меня добрыми друзьями, помогавшими войти в прекрасный мир кинематографа...

Ну, а если подросток так и не находит времени, чтобы занять себе таких друзей, продолжая в немыслимых количествах поглощать экранные развлечения?

Проводя занятия кинофакультатива и киноклуба, я не раз беседовал со старшеклассниками. Многих из них, как я понял, кино привлекало только остротой, динамичностью событий, спецэффектами, трюками, драками, перестрелками, обаянием сильных и ловких героев. Их жанровые пристрастия – детективы,

комедии, «фильмы-катастрофы», фильмы ужасов, фантастика:

- Я люблю фильмы со Сталлоне, потому, что там показан мужественный и сильный герой, который не боится вступить в смертельный поединок с жестокими и коварными врагами. Этот герой сыгран талантливо и вызывает сочувствие. И мне приятно, что он, в конце концов, побеждает...

Михаил М., 14 лет.

- Мне нравятся красивые, яркие фильмы, где много приключений, хорошо подобраны красивые, обаятельные герои, музыка. Вот, например, «Индиана Джонс...», где смелый археолог попадает в самые невероятные ситуации и блестяще справляется с ними. Он сражается с крысами, прыгает через пропасть... И какие съемки! Несмотря на сложность трюков, нет ни

одной накладки. Фильм ненавязчив, красив, в нем есть и юмор. Словом – здорово!

Светлана Ш.

- Я считаю, что у нас не могут делать интересных фильмов. Зато вот видел отличный американский ужастик – мороз по коже идет! Мне вообще нравятся фильмы про убийства, особенно, если много трюков и стрельбы, драк. Киноужасы люблю, особенно про вампиров!

Сергей М., 13 лет.

- Недавно посмотрел новую американскую комедию. Все красочно, ярко. Посмеялся от души – вещь высшего класса. Два часа пролетают незаметно. А что еще надо? Знают в Голливуде, что надо молодежи! Масса и разнообразие трюков, головокружительных и опасных, делают кино живым и сочным, неповторимым и увлекательным.

Бесподобная игра актеров! Заводная музыка! Это дает блестящий результат. У меня лично после таких комедий еще несколько дней настроение отличное. Не то что наши – назовут фильм комедией, а шуток там две-три от силы. Остальное – скукотища... А что нам нравится, не надо хаять, мы сами разберемся, что к чему. Вот так!

Антон С., 15 лет.

Позиция Антона С. ясна до категоричности – раз в фильме острый сюжет, много трюков, заняты известные актеры – значит, он замечательный по качеству.

Мнения других молодых зрителей (как правило, зрительниц) ориентированы в основном не на трюки, драки и выстрелы, а на яркое, музыкально-мелодраматическое зрелище с броской и дорогой фактурой интерьеров, костюмов. Некоторые вполне

откровенно восторгаются и завидуют (и их в этом можно понять!) красивой жизни, богатству, роскошным вояжам экранных персонажей и т.д. Привлекает их и эротическая тематика (обратное, согласитесь, было бы неестественным).

- Эх, как хотелось бы свободно переезжать из страны в страну, путешествовать. Вот смотришь телевизор – и глаза разбегаются! Сколько стран, сколько всего интересного! А я вот закончу школу, захочу, поехать, предположим, во Францию. Так ведь не получится. Ни у меня, ни у моих родителей нет денег на турпутевки. И родственников за границей тоже нет....

Владимир З., 16 лет.

- Если у моих сверстников – соседей по двору – спросишь, что они хотели бы увидеть – комедию или трагедию (или драму – для них всё едино!), они сразу

ответят: конечно, на комедию! Ведь тут отдохнуть, посмеяться можно! Да, откровенно сказать, у меня тоже иногда бывает такое плохое настроение, что хочется отвлечься, развеяться. Вот и смотрю «комедь», лишь бы посмеяться... А то по телику всё больше про политику, про войну да про бандитские разборки норовят показывать. А я на их рожи и смотреть-то не хочу! Мало ли я алкашей и подонков на улицах вижу... Нет уж, хоть в кино – увольте...

Мне нравятся и западные мелодрамы, потому что там показана жизнь, какой у меня никогда не будет. Конечно, и я хотела бы иметь двухэтажный особняк, полный шкаф модных нарядов, автомобиль «Мерседес». И я хотела бы каждый год ездить по разным странам, отдыхать на средиземноморских курортах, встречаться со знаменитостями... Но я знаю, мне так не жить. У меня же отец с матерью не

бизнесмены! И в лотерею я никогда не выигрываю...
Так я хоть в кино или по телевизору посмотрю, как
люди живут.

Татьяна Ф., 16 лет.

Согласитесь, в этих высказываниях есть резон. В самом деле, жаль, что Владимир З., в отличие от своих богатых сверстников, вряд ли попадет в Париж, а у Тани Ф. нет комфортабельного коттеджа. Но, увы, такова российская действительность...

Конечно, всё познается в сравнении – настоящее искусство рождается на фоне посредственных поделок. Но может быть, следует повесить возрастной ценз, не допускать 16-17-летних в кинозалы, где идут зрелищные кинобоевики? Думается, запретами тут делу не поможешь – они как раз в данном случае никакого эффекта не дадут.

Напротив, возникнет желание увидеть ЭТО (насилие, секс и пр.) во что бы то ни стало: на видео, например.

Я совсем не против со вкусом сделанного киноразвлечения. Но мне хотелось бы, чтобы для Тани Ф. и Владимира З. развлечение не стало хлебом насущным. И мне было бы искренне жаль, если бы они остались равнодушными к выдающимся экранным произведениям.

Суть проблемы – в уровне художественного восприятия и критического мышления юных зрителей, в их умении анализировать фильм. Разумеется, иные старшеклассники способны и сами разобраться, что к чему. Однако проведенные мною опросы и анкетирования школьников, к сожалению, показали, что число таких «киноэкспертов» пока не столь велико, как нам бы того хотелось... Очень часто там, где надо хоть немного подумать, где суть фильм не

преподносится «на тарелочке с голубой каемочкой», ребята и вовсе беспомощны, им становится невыносимо скучно, побеждает привычка бездумно скользить по поверхности сюжета. У них так и не возникает серьезного, уважительного отношения к искусству.

Вместе с тем, констатируя уровень «фабульного восприятия» или «первичной идентификации» (как, впрочем, и остальные уровни медиавосприятия), нужно отчетливо представлять себе условность данной классификации. Письменные работы и устные опросы далеко не всегда могут позволить точно зафиксировать истинный уровень медиавосприятия того или иного человека, так как он часто просто не в состоянии (неразвитость речи, стеснительность, отсутствие практических навыков публичного или индивидуального обсуждения медиатекста) передать

свои впечатления словами. К примеру, в индивидуальных беседах с помощью наводящих вопросов мне удалось установить, что некоторые школьники и студенты, обнаружившие в письменных работах и в коллективных обсуждениях ярко выраженный уровень «первичной идентификации», на самом деле увидели и поняли значительно больше: как в характерах персонажей медиатекста, так и в ощущениях медиасреды. Максимальное раскрытие их уровня медиавосприятия происходило во время выполнения творческих заданий невербального характера. К примеру, рисуя рекламные афиши, школьники и студенты (даже с неразвитой лексикой и полной неспособностью передать свои медиавпечатления письменно) обнаруживали порой «спрятанное» в подсознании образное мышление, умение, опираясь на интуицию, создать на листе

бумаги (с помощью красок, фломастеров, карандашей, вырезок из иллюстрированных журналов и аппликаций) любопытное отражение концепции медиатекста.

Однако ценность результатов, полученных при анализе письменных работ и устных ответов (несмотря на вышеупомянутую условность уровней «классификации»), на мой взгляд, от этого не уменьшилась. После окончания изучения аудиторией факультативного курса я имел возможность вновь сделать констатирующие «срезы» и убедиться в том, насколько учащиеся продвинулись не только в способности воспринимать медиасреду, но и в умении передать в письменной и устной речи свои впечатления от прочитанного, увиденного и услышанного.

Медиавосприятие значительной части молодежной аудитории находится на уровне «вторичной идентификации» («отождествление с персонажем медиатекста»). Устные групповые беседы, индивидуальные собеседования, письменные работы показали, что аудитория с таким уровнем восприятия способна дать моральную характеристику персонажам, обосновать мотивы их поступков, выделить основной конфликт (или несколько конфликтов) сюжета. Вместе с тем, уровень «вторичной идентификации», как свидетельствует проведенный мной эксперимент, отнюдь не гарантирует полноценности медиавосприятия в целом, так как довольно часто учащиеся уверены, что взгляды героя медиатекста и его автора едины.

При этом оказалось, что среди аудитории «вторичной идентификации» можно выделить две основные группы.

Во-первых, аудиторию, ориентированную на идеализированное отражение жизни на экране:

- Посмотрел недавно фильм о малолетних преступниках. В принципе для меня их характеры ясны. Один рос без отца, ожесточился, озлобился на весь свет. Другой стал работать в морге, привык ежедневно видеть трупы, превратился в холодного и безразличного к человеческим несчастьям циника...

Да и само изображение в фильме помогает почувствовать горькое настроение героев: изуродованные вагоны электрички, грязные подсобки, унылый и мрачный цвет стен в мертвецкой, замусоренные уличные тупики... Да, такое в жизни можно, к сожалению, встретить часто. Но, по-моему,

нужны картины не об этом, а о подвигах молодежи.

Нужен оптимизм, перспектива для жизни!

Олег Г.

Как видно из приведенного отрывка письменной работы студента Олега Г., он во имя положительного примера готов пожертвовать и правдивостью повествования, и реалиями окружающего быта. В этом мнении, на мой взгляд, отчетливо проявилась наивная убежденность части аудитории, что стоит изгнать с экрана «негативные моменты» и показать идеальных персонажей, как жизнь вокруг станет лучше...

Впрочем, большинство молодежи не склонны требовать от экрана идеального героя-современника. Они мечтают о полноценной рекреации: о красивых мелодраматических и приключенческих историях прошлого (вариант: фантастического будущего),

желательно из жизни аристократов или иностранцев, о сказках для взрослых и т.п. медиатекстах, не имеющих к окружающему тягостному быту никакого отношения. По сути, идет переключка с аналогичными компенсаторно-рекреационными мотивами, свойственными аудитории «первичной идентификации», только на более высоком уровне, связанном с последующим анализом характеров героев, с отчетливым порой представлением о примитивности и отсутствии, к примеру, глубины проникновения в человеческие взаимоотношения и т.д.

Во-вторых, в группе «вторичной идентификации» можно выделить аудиторию, ориентированную на реалистическое отражение жизни в медиатексте:

- Мне кажется, что в фильме правдиво показана жизнь молодых: как они себя ведут, чем занимаются,

что ценят... Это я считаю его достоинством. Мне кажется, посмотрев этот фильм, те люди, которые ведут себя подобным образом – шляются по улицам, пьют в подворотнях, - задумываются о том, правильно ли они живут... Страшно смотреть на это, но ведь такое у нас встречается всюду. Конфликт между родителями и детьми раскрыт в картине очень сильно.

Актриса, исполняющая главную роль, очень хорошо передает психологию своей героини: у нее давно уже нет никакого контакта с матерью, она чувствует себя обделенной, несчастной, пытается найти себя в скандальных выходках. Постоянные упреки и семейные ссоры ее озлобили. Ей захотелось быть вне дома – потянуло на улицу. Она очень возбудимая, нервная, грубая, часто жестокая. Такая и зарезать может. Например, в уличной драке... Хотя по-своему она не глупа, тянется к счастью (которое

для нее – в сексе, танцах, развлечениях). Но уж больно тоскливо ей среди дымящихся заводских труб, матерящихся «приблатненных», затурканной жизнью матери, вечно воюющей с выпивохой-отцом. Это для нее какой-то замкнутый круг... Я много знаю таких девчонок. Ее подружки, как мне показалось, живут только для себя. Они часто равнодушны к людям, которым причиняют боль. Этот фильм мне очень понравился, его полезно посмотреть всем: и молодежи, и взрослым. Он дает повод о многом поразмышлять.

Людмила Д.

Мнение Людмилы Д. Свидетельствует, что она понимает тему, конфликтный характер событий медиатекста. Нравственная оценка поступков героев дана, хоть и без нюансов, но относительно верная.

Однако за ней нет проникновения в суть авторской концепции.

Итак, отметим, что рекреационный характер восприятия, стремление уйти от бесконечных бытовых неурядиц и политических, натуралистических и социально-разоблачительных медиатекстов в мир грез весьма типичны для молодежной аудитории. У большинства молодых зрителей в списке любимых фильмов фигурируют названия зрелищных лент – захватывающих и ярких. Зато психологические драмы, философские притчи и даже некоторые детективы без стремительной интриги остаются за рамками их предпочтений:

- Начал смотреть по телевизору один психологический фильм. Люди заперлись в четырех стенах. И пошла сплошная болтология. Главная героиня всё время мучилась из-за чего-то. Очень

долго говорила о своих любовных переживаниях. Скучно было страшно. Я чуть-чуть послушал, но так ничего и не понял. Переключил канал на другой... Я не против любви. Вот смотрел недавно один сериал: красивые актрисы, интересный сюжет, отличные съемки! А тут...

Юрий Ч., 15 лет.

- Тут расхваливали один «серьезный и умный» фильм. А я пошел, посмотрел и разочаровался. Считаю, что если на экране нет ничего светлого и радостного, повсюду одна грязь, то это принесет вред. Нам без конца показывают убожество и мрачность жизни, герои все несчастные... А мы и так этого вокруг видим достаточно. Я пожалел о потраченном времени. Или вот включил по телику «Бал». Думал – комедия. А там всю дорогу танцуют. Тягомотина смертельная! Мне такая «развлекуха» не нужна!

Никита Б., 16 лет.

Статистика неумолима – фильмы «авторского кинематографа» (Феллини, Бергмана, Вендерса, Трюффо, Тарковского и т.д.), лишённые остросюжетной зрелищности, молодежь почти не интересуют. Герои и проблемы этих картин многим молодым зрителям, как правило, просто неинтересны. Они кажутся им далекими от того, что их волнует и беспокоит. В итоге героям сопереживать не хочется. А ведь сопереживание в большинстве случаев именно то, ради чего миллионы людей общаются с экраном. Мы мысленно ставим себя на место героев фильма, вживаемся в образ, по-своему «играем» любимую роль...

Так или иначе, общаясь с экраном, можно воспринимать происходящее в рамках бытового факта. Можно мысленно воображать себя на месте

героя картины, а можно попытаться понять не только героя, но и автора фильма.

На третьей ступени медиавосприятия - на уровне «комплексной идентификации» (отождествления с автором медиатекста) при сохранении достоинств «первичной» и «вторичной» идентификации, то есть умений ориентироваться в фабуле медиатекста, в характерах, психологии, мотивах поступков персонажей, как правило, находится меньшинство молодежной аудитории (10%-12%). При этом надо иметь в виду условность определения данного уровня медиавосприятия, так как учащиеся, не знакомые, например, со звукозрительной и пространственно-временной природой художественных образов экранных текстов, как правило, в своих оценках опираются на знания, полученные на уроках литературы, которые, к сожалению, нередко строятся

на традиционной методике выделения идеи произведения, конфликта и характеров героев в обособленном от авторской стилистики и индивидуальности виде.

Вот какую работу, к примеру, написала 17-летняя Елена Н. после просмотра фильмов знаменитого классика экрана Федерико Феллини:

«Первые кадры «Репетиции оркестра» были для меня непривычны. Для меня весь фильм был полон неожиданностей, так как это была первая картина Феллини, которую я смотрела. «Репетиция...» очень сложное произведение. Одни и те же интерьеры на протяжении всего действия, полумрак, множество героев. Долгие монологи, где выражены разные мировоззрения – и по идеям, и по глубине мысли. Чтобы понять фильм, надо иметь представление о политической ситуации в Италии, увидеть

содержащиеся в нем намеки, символы, метафоры. Всё это делает картину нелегкой для восприятия, даже если зритель (например, я) давно интересуется искусством кино.

Фильм ни в коем разе не веселит зрителя, не заставляет слезливо доставать платочек. Я хочу сказать, что создание этой картины требовало особой смелости. Режиссер не пошел на поводу у «среднестатистических» зрителей. Сценаристы и режиссеры разбаловали зрителей огромным числом пустых комедий, мелодрам и кровавых боевиков. То есть тех фильмов, где нас принуждают только плакать или только смеяться до упаду, не задумываясь, почему? Такие фильмы просто оглушают людей.

Но это к слову. По поводу картины. Она поднимает одну из важнейших проблем современности! Прогресс и реакционность. Гуманизм

и насилие. Анархизм, терроризм и диктатура. Свобода художника в обществе и его зависимость от общества. Феллини размышляет о том, что анархия, как и диктатура, может привести мир к гибели. Помните, как яростно бунтуют оркестранты, ломая инструменты, истошно крича, превращаясь постепенно в озверевшее стадо?

Интересны кадры, когда стену репетиционного зала пробивает таинственный шар, и люди перед лицом опасности (что это – символ катастрофы, угрозы, интервенции, землетрясения?) объединяются, ищут помощи. Феллини бесконечно прав. Людям нельзя забывать, что они люди, что они должны жить в мире, быть добрее. Авторы одергивают зарвавшихся и забывшихся. На мой взгляд, Феллини предостерегает: вот к чему может привести анархия. Слабый, разъединенный народ может попасть под

власть «нового порядка» диктатуры. Это фильм – притча предостережения».

Как видно из высказывания, кроме попытки разобраться в жанре, теме и конфликтах, здесь есть размышления об авторской концепции, символике, стилистике произведения. Фильм ставится в социокультурный контекст своего времени. Да и в индивидуальных беседах авторы подобных отзывов и письменных работ обнаруживали достаточно глубокие и интересные суждения о медиакультуре.

Разумеется, я бы погрешил против истины, если бы взялся уверять читателей, что таких вдумчивых, внимательных зрителей, как Елена Н., большинство. Как уже отмечалось, наиболее популярны у молодежи жанры приключенческого плана – с красивыми, сильными героями, занимательной интригой и счастливым концом.

Бесспорно, развлечение, эмоциональная разрядка человеку необходимы. Ученые давно уже доказали, что феномен компенсации, очищающий человеческие чувства – один из необходимых результатов контакта зрителя, читателя с искусством. С его помощью восполняется недостаток психологических переживаний, или, напротив, зритель переключается от конфликтных и стрессовых жизненных ситуаций в сторону иллюзии осуществления заветных желаний. Сюда, например, входит, пусть кратковременная, компенсация эротических и агрессивных чувств.

Хотя эта сторона экранного зрелища до сих пор вызывает нешуточные споры ученых. Некоторые из них утверждают, что после окончания сеанса возбужденные инстинкты и эмоции подростка, отличающегося повышенной нервной возбудимостью, восприимчивостью, толкают его порой на

непредсказуемые поступки, вызванные иногда прямым подражанием киногероям-суперменам...

Отмечу еще и сильное информационное воздействие фильма, если так можно выразиться, утилитарно-бытовое: как преуспеть в любви, избежать опасности, суметь постоять за себя в критической ситуации, модно одеться, умело познакомиться и т.п. Для молодежи такой информационный уровень фильма приобретает особое значение, ведь экран – это канал для получения наглядных рекомендаций по самым актуальным жизненным проблемам.

Как быть в этой ситуации?

С детских лет каждый из нас привык слышать и читать бесчисленные призывы к эстетическому воспитанию молодежи. Слова о том, что наслаждаться искусством может только художественно образованный человек, знакомы, как говорится, всем и

каждому чуть ли не с пеленок. Цитаты из статей выдающихся деятелей педагогики и культуры, где говорится о важной роли искусства в жизни человека, составили бы, наверное, немало страниц убористого текста...

Всё так. Только во многих школах и поныне на уроках искусства упор делается на самое простое: нарисовать вазу, спеть хором... А на уроках литературы об искусстве и речи нет: успеть бы «пройти» биографию писателя, худо-бедно пересказать сюжет романа или повести. Что же касается факультативов, то они нередко превращаются в своего рода дополнительные занятия с неуспевающими учениками. Чего уж говорить об экранных искусствах...

Несмотря на перемены в нашем обществе, сегодня еще немало педагогов и родителей уверены,

что старшеклассники не должны смотреть «вредных» для них боевиков. Убежден, что сами молодые зрители вряд ли с этим согласятся. Впрочем, и практика давно уже показала, что запреты в отношении культуры (любого качества и уровня) бессмысленны.

Александр Федоров

Видеоспор:

кино - видео - молодежь